

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(22)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2011

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

СКЛОНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ПСКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

1.0. История русских числительных привлекала и привлекает внимание многих лингвистов: см., например, такие работы, как [Егоров 1916; Глушкина 1955; 1957; 1961; Багрянский 1957; 1957а; 1957б; 1960; Дровникова 1959; 1985; Bogusławski 1966; Жолобов 2006]. Изучались также современные диалектные разновидности числительных, и исследования показали, что русские говоры демонстрируют весьма пеструю картину употребления самых разнообразных форм [Матвеева 1954; 1959; 1961], так что, скорее всего, система, которую образовывали слова, обозначающие числа, и в языковом прошлом была неоднородна **даже в пределах одного диалекта**. В имеющихся в научном обороте работах, которые базируются на показаниях памятников письменности, расклассифицированных по векам, материал обычно черпается из текстов разной локализации и диалектные особенности на отдельных синхронных срезах систематически не выявляются. Поэтому интересно было бы проанализировать употребление форм количественных числительных в рукописях одного периода, происходящих из одного региона, чтобы выяснить, как могла выглядеть подсистема числительных в определенном диалектном образовании в определенный момент времени.

Материалом для данной работы послужили тексты делового содержания первой половины XVII в., охватывающие период в тридцать лет и происходящие из псковского региона. Были исследованы псковские отдельные и отказные книги, а также ряд челобитных псковского происхождения:

1) Псковская отдельная книга 1618—1623 гг. (599 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455.

2) Псковская отдельная и отказная книга 1613—1658 гг. (лл. 32—38 об., 43—48, 105—110, 112—117 об., 236—237, 344—347 об., 356—357, 366—369, 377—379 об., 420—424, 457—462, 481—484 об., 586—593 об., 606—611 об., 625—641 об., 647—650, 659—670, 682—685 об., 687—727 об., 778—780 об., 782—784 об., 786—791 об., 797—814 об., т. е. черновые записи с 1626 по 1649 гг. — всего 182 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8461.

3) 5 челобитных из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду, принятые к рассмотрению в приказе в 1626 г. (написа-

ны они могут быть в том же году или годом раньше) — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23349.

4) 26 челобитных из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду, принятые к рассмотрению в приказе в 1627 г. — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23350.

5) 58 челобитных из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду, принятые к рассмотрению в приказе в 1628 г. — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23351 (ч. 1 и ч. 2).

Следует заметить, что отказные и отдельные книги — весьма информативный источник для описания форм числительных, так как последние постоянно используются в этих книгах, поскольку речь в них идет в основном о земельных наделах и их размерах. Предметом обращения к властям в челобитных грамотах часто становились споры опять же о земельных наделах, и, хотя челобитные из-за своего меньшего, чем отказные книги, размера не дают такого же большого объема материала, они ценны тем, что более разнообразно, чем отказные книги, демонстрируют падежные формы числительных.

При приведении примеров из текстов графическая система оригинала несколько упрощается: синонимичные буквы **я**, **ѧ**, **ѧ** передаются буквой **я**; **о** и **ѡ** — буквой **о**; **з** и **ѣ** — буквой **з**; **і** десятиричное — восьмеричным **и**; **ѣ** — буквой **ѣ**. Во многих скорописных текстах буквы **ѣ** и **ѣ** графически не дифференцируются, см. [Тарабасова 1982: 220], такое бывает и в исследованных нами источниках, поэтому для передачи нейтрального знака, употребляемого на месте **ѣ** и **ѣ**, используется прописная буква **Ѣ**. В круглые скобки заключаются буквы, которые были пропущены в сокращенных словах, в квадратные скобки — те надежно восстанавливаемые буквы, которые по тем или иным причинам в тексте утрачены — либо в результате порчи бумаги, либо оттого, что находятся слишком близко к корешку переплета и потому не видны.

2.0. Изучение довольно обширного материала рукописных источников показало, что многие парадигмы в первой половине XVII в. находились в процессе переформирования, так как в ряде падежей встречаем по несколько вариативных форм. Вариативность объясняется либо живым процессом вытеснения старой формы новой, либо реализацией некоторых общих тенденций развития системы числительных или даже именных частей речи в целом. Кроме того, в отдельных случаях мы можем наблюдать столкновение некоторых из этих тенденций.

2.1. Числительное **два** (д в ѣ) имело следующие формы:

И. п.	<i>два, двѣ</i>
Р. п.	<i>дву</i>
Д. п.	<i>двѣмъ / дву</i>
В. п.	= И. п. или Р. п.
Т. п.	<i>двѣма / двѣмя / двумя</i>
М. п.	<i>дву</i>

Примеры

(для И. и В. пп. в сочетании с неодушевленными существительными здесь и далее тривиальные примеры не приводятся)

Р. п.

не дошло в оклад^д ... дв[у]сот семидеся^т дву че^ти 23351, ч. 2-252.

В. п. = Р. п.

дву дѣвокъ 8455-443, дву бобылеи 23350-149.

Д. п.

дѣвъмъ	дву
ко сту ко штидеся ^т к двѣ ^т четве ^р - тя ^т 8455-533, к сороку к двѣ ^т чет- вертя ^т 8461-117, к пя ^т и со ^т к девя- но ^т и к двѣ ^т че ^т ве ^р тя ^т ¹ 8455-41 двѣ ^т братомъ 23350-148.	к двѣ ^т стамъ ко штидеся ^т къ дву че ^т вертямъ 8455-211, ко сту к штидеся ^т ко дву че ^т ве ^р тя ^т 8455-543.

Т. п.

дѣвма	дѣвма	двумя
за ^д вѣма доче ^р ми 8455-173 об., з ^д вѣма дочери ^т ками 23350- 196 (4 р.).	з двѣ ^т ма дѣ ^т ка ^т ^т 23351, ч. 1-188, соро ^к ю двѣ ^т ма че ^т ве ^р тми 23351, ч. 1- 19, соро ^к [ю] двѣ ^т ма че ^т - ве ^р тми ib.	пожалуи ...три ^т ца ^т ма че ^т (слово сокращено) и двумя 23350-188.

М. п.

в ...дву пустоша^х 8455-147, в дву д(е)р(е)ня^х 8455-157, 525 (2 р.), в ...дву
жерѣ^бя^х 8455-241 об., на дву третя^х 8455-530, в дву городе^х 23351, ч. 1-48,
а в дву по тому же (практически на каждом листе в отказных книгах)².

В описанной парадигме представляет интерес архаичная форма Р. п.
дву, а также совпадающая с ней форма М. п. О древнем характере формы
Р.-М. пп. дву, бытовавшей наряду с дѣвою, см., напр., [Дурново 2000: 244;
Жолобов 2006: 92—94]. Известно, что к XVII в. в русском языке уже выра-
боталась форма Р.-М. пп. двухъ, поскольку в редких случаях она фиксиру-
ется в памятниках XV и XVI столетий. Б. Унбегаун, в частности, обнару-
жил пять таких форм в исследованных им текстах конца XV — первой по-
ловины XVI в. [Unbegaun 1935: 412]. Он указывает на то, что в материалах
дипломатической переписки форма двухъ встречается только в делах, от-
носящихся к сношениям с Польшей, где ее появление могло быть облегче-
но существованием польской формы *dwóch*, первые свидетельства появле-

¹ Псковские рукописи демонстрируют смешение букв ъ и е, которое свидетель-
ствует о совпадении фонем (ѣ) и (е) в звуке [е], см. [Галинская 2002: 84—88].

² Это устойчивая формула: в дву (имеются в виду — в двух полях) по тому же
(т. е. земли намерено столько же, сколько и в первом измеренном поле).

ния которой в польских памятниках относятся как раз к XVI в. [Unbegaun 1935: 412]. Можно думать, что даже в XVII в. форма *двухъ* распространилась еще не на все русские диалекты. Во всяком случае, А. М. Селищев свидетельствует, что в сибирских рукописях XVII в. употребляется только старая форма *дву* [Селищев 1921: 104], аналогичную ситуацию находит О. Ф. Жолобов в севернорусских таможенных книгах 1633—1636 гг. [Жолобов 2006: 244]. Поэтому полное отсутствие формы *двухъ* в исследованных нами псковских источниках, скорее всего, говорит о ее отсутствии и в псковском диалекте первой половины XVII в.

Примечательно, что и Т. п. еще может сохранять архаичную форму *дѣма*.

Однако в склонении числительного *два* (*дѣ*) есть и инновационные особенности, которые говорят о модификации системы от старого состояния к новому. Во-первых, бывшая форма Д. п. *дѣма* дифференцировалась от формы Т. п., потеряв конечное *-а* и превратившись в *дѣмъ* под влиянием *тремя*, *четыремъ*. Во-вторых, инновации коснулись уже и Т. п. В отличие от ситуации XVI в., которую описывает Б. Унбegaун, когда единственно возможной в исследованных им рукописях была старая форма двойственного числа *дѣма* [Unbegaun 1935: 410], в псковских текстах первой половины XVII в. наряду с формой *дѣма* отражена форма *дѣмя*, появившаяся под влиянием уже сложившихся в говоре новых форм *тремя*, *четырьмя* (см. раздел 2.2.). Что касается самого происхождения форманта *-м'а* в Т. п., то об этом писали многие слависты, и достаточно убедительной представляется точка зрения А. Лескина, согласно которой произошло взаимодействие флексии *-м'и* (исконной для числительных *три*, *четыре*) и *-ма* (исконной для числительного *два* / *дѣ*) [Leskien 1875: 57].

Надо сказать, что в современных говорах форма *двема* не фиксируется (см. материал, приведенный в работах [Матвеева 1954; 1959]), а ее производное — форма *дв'ем'а* — отмечается исследователями в начале и середине XX в. в говорах разной локализации: в Архангельской губернии, Забайкалье, Терской области, Череповецком уезде Новгородской губернии, Московской области, см. [Матвеева 1959: 90]. В Горьковской области была записана форма с другим ударением: *дв'эм'а* [Там же].

В изученных нами текстах один раз встретилась форма *двумя*, появившаяся в результате выработки в косвенных падежах единой основы *дву-* и влияния формы *дѣмя*. В XVII в., судя по показаниям других памятников письменности, она была еще очень мало распространена [Дровникова 1959: 195].

Таким образом, в псковских говорах первой половины XVII в. был представлен весь спектр морфологических образований в Т. п.: и древняя форма *дѣма*, которая, видимо, была еще достаточно распространена, и форма следующего этапа, сохраняющая старую основу и имеющая новое окончание, — *дѣмя*, и форма последнего этапа развития — *двумя*.

Дальнейшее обозрение парадигмы числительного *два* (*двѣ*) показывает, что в псковском диалекте начала было проявляться тенденция к формированию двухпадежной парадигмы числительных, и как раз не для тех

слов, у которых она в конце концов в русском языке сформировалась, то есть не для слов *сорок, девяносто, сто* (о сохранении в исследованных текстах ими старых форм склонения см. ниже, разделы 2.5, 2.6.), а для слова *два* (д в ъ). Дело в том, что форма *дву*, которая, как было показано выше, устойчиво удерживалась в Р. и М. пп., была представлена и в Д. п. Это явление отмечается в памятниках письменности XVII в. разной локализации, см. [Дровникова 1959: 193], и есть указания на то, что форма *дву* употреблялась также в Т. п. [Егоров 1916: 230]. Как показало дальнейшее историческое развитие числительных, слово *два* в итоге все же не поддавалось указанной тенденции, и двухпадежная система у него ни в русском литературном языке, ни в диалектах не образовалась — видимо, потому, что оно стало развиваться совместно со словами *три, четыре*, которые двухпадежную систему развивать и не пытались.

2.3. Числительные *три, четыре* в псковских текстах первой половины XVII в. демонстрируют, за одним исключением, новую систему форм, не отличающуюся от той, что представлена сейчас в русском литературном языке:

И. п.	<i>три, четыре</i>
Р. п.	<i>трехъ, четырехъ</i>
Д. п.	<i>тремъ, четыремъ</i>
В. п.	= И. п. или Р. п.
Т. п.	<i>тремя / тремьмы, четыремя</i>
М. п.	<i>трехъ</i>

Примеры

Р. п.

проти^а ста штидеся^м тре^х че^ми 23351, ч. 1-139, *не дошло... ста семидеся^м четыре^х че^ми* 8455-42 об. Такие формы возникли в склонении данных слов задолго до XVII в.: Б. Унбегаун пишет, что «родительный падеж *трехъ, четырехъ* — одна из первых инноваций в склонении этих числительных» [Unbegaun 1935: 415]; О. Ф. Жолобов обнаруживает форму *трехъ* в памятниках XIV в. [Жолобов 2006: 243].

Д. п.

к двусто^м к осмидесят к тре^м че^мвертя^м 8455-266, *к двѣ^мсто^м к семидеся^м к четыре^м че^мвертя^м* 113. Это старые формы с фонетическими изменениями: *тремъ* > *тремъ*, *четыремъ* > *четыремъ*.

Т. п.

<i>тремя, четыремя</i>	<i>тремьмы</i>
<i>с тремя сыновами</i> 506, <i>во^смьюдеся^м тремя че^мвертми</i> 23351, ч. 1-136, <i>владе^н ... четыремя жере^би</i> 8455-539 об.	<i>позалова^н ... тремьмы соро^кю че^мями</i> 23350-283.

Не вызывают удивления инновационные формы *тремя* и *четырьмя*. Что касается необычной формы *тремымы*, то сразу следует сказать, что описка, то есть повтор слога, здесь, вероятнее всего, исключена, поскольку оба слога «*мы*» написаны с использованием разных начерков обеих букв. Видимо, такая форма могла реально существовать в псковском диалекте, чему можно найти косвенные свидетельства. Во-первых, в западной диалектной зоне встречаются формы с аналогичной (с точностью до гласного) редупликацией последнего компонента — ср. *двამами* (с. Хоромное Чуровичского р-на Брянской обл. [Матвеева 1959: 89]). Во-вторых, в том же регионе числительные *два*, *три*, *четыре* изредка характеризуются флексией *-мы*, см. [Матвеева 1954: 6] — ср. образования *чатыр'óмы*, *ч'ьтыр'óмы*, *четыр'óмы* и т. д., зафиксированные в говорах Брянской области [Там же: 95]. Формант *-мы* у числительных, должно быть, заимствован из склонения существительных и прилагательных. Дело в том, что сейчас он встречается в Т. п. ед. ч. субстантивного и адъективного склонения в говорах той же Брянской области, см. [ДАРЯ II: карты 41, 51]. Что же касается интересующих нас псковских — более северных говоров западной диалектной зоны, то здесь в адъективном склонении формант *-мы* в ДАРЯ не фиксируется, а в субстантивном склонении для Т. п. в одном населенном пункте (№ 127 — д. Слезово Струго-Красненского р-на Псковской обл.) отмечены единичные случаи такого произношения наряду с [-ми] и господствующим [-м], см. [Там же]. Однако в XVII в. ситуация могла быть иной, о чем говорит присутствие в одной из исследуемых отказных книг написания *с теми поны* 8461-786 об. Есть свидетельство того, что окончание *-мы* имелось в адъективном и субстантивном склонениях в псковском диалекте и раньше — в XV в.: *тымы людмы*, *надъ нашими купчинамы* (Гр. псковского князя Ивана Александровича, написанная между 1463 и 1465 гг.).

М. п.

на тре^x же(ре)^bяхЪ 361. Это старая форма с фонетическими изменениями: *трехъ* > *трехъ*.

2.4.0. Прежде чем говорить о следующей группе числительных — о словах, обозначающих числа с пяти до двадцати и тридцать, прокомментируем некоторые необычные формы слов, обозначающих числа 8, 18, 80, 800, чье появление связано, судя по всему, не только с морфологией. Особенность псковских текстов состоит в том, что здесь регулярно встречаются написания с буквой *и* после *м*:

твою г(о)^c(у)д(а)р(е)ву слу^жбу служю восьми лѣтъ 23350-113, *триста ше^cтдеся^m восьми че^mи* 23351, ч. 2-63;

сѣна восмина^mца^m копень 8461-698, *о^cмина^mца^m че^mи* 8461-185;

осталос ... триста восмидеся^m три чети 23351, ч. 2-63, *сѣна восмидеся^m копеⁿ* 8455-130 об., *отделено... всего... восмидеся^m че^mи* 8455-85 об., дано *во^cсмидеся^m че^mи* 23350-100 (2 р.), *восмидеся* (sic) *копень* 378 об., *восмидѣся^m сажеⁿ* 482, всего ...*восмѣсо^m восмидеся^m че^mи* 23351, ч. 1-138,

во^смидеся^м ня^м че^ми 23351, ч. 2-19, *триста восьмидеся^м че^ми* 23351, ч. 2-83, *двести восьмидеся^м три че^ми* 23351, ч. 2-51.

в восьмисо^м че^м ве^ртеи 8455-8, 9.

Один раз встречена форма *восе^мдеся^м* 8455-175 с отражением произношения вставного гласного перед [м], характерного для русского языка в целом. Обычно же употребляются старые формы (возможно, это лишь дань орфографической традиции), например, *восмь че^ми* 8455-5 об., *восмьдеса^м ня^м че^ми* 8461-76, *осмьдеса^м о^она че^мверть* 23351, ч. 2-14, *в восьмо^м че^ми* 8455-171 (числительное «восемнадцать» в таком написании в И.-В. пп. не встречено ни разу, лишь с буквой и после м).

Формы с и присутствуют уже в новгородских берестяных грамотах XIII—XV вв., а также в некоторых других более поздних рукописях северо-западного происхождения [Зализняк 2004: 133; Егоров 1916: 498], отмечаются они и в севернорусских говорах [Матвеева 1954: 8]. А. А. Зализняк полагает, что здесь произошел перенос окончания *-и* из косвенных падежей в И. и В. пп., чему способствовал фонетический фактор: в таких сращениях, как *осмь на десяте*, [ь] в [os'm'ъ], находясь в позиции перед согласной, должен был не исчезать, а давать некую гласную [Зализняк 2004: 133]. О. Ф. Жолобов считает более действенным фактором тенденцию к «расподоблению звукообразов числительных *семь* и *осемь* < осмь» [Жолобов 2006: 256].

Можно, пожалуй, предложить и чисто фонетическое объяснение появления форм типа *восьми*, *восьминадцать* в И.-В. пп. Допустимо, что после падения редуцированных в северо-западных говорах нежелательная слоговость [m] ([osm^(s)]) ликвидировалась не только путем вставки гласного перед сонорным [(v)osem^(s)] (ср. приведенный выше пример *восе^мдеся^м* 8455-175), но и путем выделения слогового элемента после сонорного. Типологически это известная ситуация: так, в болгарском языке преодоление слоговости [t] и [l] (из сочетаний *ТЪРТ и *ТРЪТ) шло по-разному — если плавный находился перед одиночным согласным, то гласный выделился слева от плавного (напр., *търг*, *вълк*), а если плавный находился перед консонантной группой, то справа (напр., *прѣст*, *слѣнце*), хотя бывают варианты произношения и в одной и той же словоформе, например *слѣзлив* и *слѣзлив* 'слезливый'. Сходную картину наблюдаем в украинском языке, взятом в совокупности его литературной разновидности и говоров. Слоговость плавного, возникшего в сочетаниях *ТРЪТ после утраты слабого редуцированного, преодолевалась вставкой гласного перед плавным (например, укр. диал. *силза*, *гирміти*, *кервавий* / *кирвавий*) или после плавного (напр., укр. лит. *слиза*, *гриміти*, *кривавий*). При этом примечательно, что в северо-западных русских говорах после сонорного в слове (в)*осмь* вставился гласный того же типа, что и в украинском языке после плавных.

2.4.1. Перейдем теперь к рассмотрению собственно деклинационных особенностей слов, обозначающих числа с пяти до двадцати и три-

дц а т ь. В исследованных рукописях они встречены не во всех формах для каждой из лексем, но совокупность имеющихся примеров составляет картину, в общем, уже единого за некоторыми исключениями склонения с вариативными окончаниями в некоторых падежах.

И.-В. пп.

Формы *пять, шесть, семь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, восемнадцать* (sic, см. выше, раздел 2.4.0.), *девятнадцать* вариантов не имеют.

О вариантах *восьми* и *восемь* см. выше, раздел 2.4.0. По-разному образуются и формы И.-В. пп. слов, обозначающих числа 20 и 30. Чаще представлены инновации *двадцать, тридцать* и реже — более архаичные образования *двадесят(ь)* и *тридесят(ь)*, которые, впрочем, обнаруживаются лишь в датах (см. об этом: [Bogusławski 1966: 144]): *к н(ы)нешнему сто двадеся^м шестому году 8455-116, во сто двадеся^м во ^атором го^{ду} 8455-315 об., во сто двадесят^ь девято^м году 8455-343 об., ге^аваря в тридеся^м не^рвы^а день 23351, ч. 2-192.*

Р. п.

Здесь в основном выступает флексия *-и*: *недописано двусо^м семидеся^м ня^м че^и 8455-559 об., не дошло... шести че^мвертеи 8455-313 об., ис три^мца^м ис семи че^и 8455-29 об., не доиде^м ...два^мца^м ня^м че^и 23349-12.* Однако есть необычная особенность в образованиях форм Р. п. у слов, обозначающих числа второго десятка: вторая часть у них не изменяется: *не дошло ... двуна^мца^м че^и 8455-543 (2 р.), не дошло ... трина^мца^м че^и 8455-135 об., не дошло ... четы^рна^мца^м че^и 8455-543³* (о первой части будет сказано ниже).

Путь развития этих слов в Р. п. был таков.

I этап. Первоначально, когда они еще являлись словосочетаниями со связью управления, склонялся только первый компонент, то есть в Р. п. было *дъвоу на десяте, трии на десяте, четырь на десяте*. Позже видоизменился второй компонент, превратившись в *на десять*, так что появились образования *дъвоу на десять, трии на десять, четырь на десять*. Их возникновение допустимо объяснять по-разному. Они могли быть результатом отпадения конечных безударных гласных фонетического слова, которым предшествовал одиночный согласный или группа [ст] (подробно о механизме отпадения конечных гласных см. [Зализняк 2002: 550—558]). В принципе, отпадению [е] должен был препятствовать тот факт, что этот гласный составлял отдельный морф, однако данный фактор не всегда мешал конечному гласному отпасть — ведь случаи устранения конечного гласного, который составлял отдельный морф, бывают регулярно в императивах (типа *встань*) и в новом вокативе (типа *Вань!*), см. [Там же: 552], а также в И.-В. пп. существительных *мати, дъчи*. По-другому трактует заме-

³ В конструкциях с «не дошло» в исследуемых текстах всегда употребляется Р. п.

ну конечного *-те* на *-ть* О. Ф. Жолобов: по его мнению, этого потребовала счетная функция, поскольку числительные, обозначающие числа с 11 до 19, оказывались в одном ряду со словами *пять* — *десять* [Жолобов 2006: 260].

II этап. В результате редукции до нуля корневого гласного второго компонента возникали формы *двунацать*, *тринацать* / *трехнацать*, *четырнацать* / *четырезнацать* (форма Р. п. *трехъ*, как указывалось выше (см. раздел. 2.3.), фиксируется уже в XIV в.). Форму Р. п. *трехнацать* со склонением первой части и неизменяемой второй частью нашел А. Богуславский в деловом тексте рязанского происхождения 1616 г. (*а Любимка трехънацать лѣтъ*), однако комментария к ней не дал [Bogusławski 1966: 96].

III этап. Формируется изменение обеих частей, причем первая часть продолжает склоняться, как простое числительное, а вторая начинает изменяться, как, например, *пять*, т. е. в Р. п. получались формы: *двунацати*, *трехнацати*, *четырезнацати*. Они широко представлены в памятниках XIV—XVII вв. [Дровникова 1985: 58].

IV этап. Первая часть числительных перестает склоняться, и возникает современная парадигма слов, обозначающих числа второго десятка.

Таким образом, в псковском диалекте первой половины XVII в. мы застаем форму Р. п. *двунацать* в древнем переходном состоянии — первая часть склоняется, а вторая еще нет (II этап). Остальные же зафиксированные формы в описанную схему не укладываются: образования Р. п. *тринацать* и *четырнацать* развились как бы наполовину: склонение у первой части уже утратилось, а у второй так и не образовалось. При этом важно отметить, что в наших рукописях описанная особенность касается только Р. п. В дательном, например, падеже склоняются обе части или только вторая (см. ниже)⁴.

Т. п.

В Т. п. наблюдаем вариативность: окончание *-ью*, исконное для слов *пять* — *девять* и возникшее под их влиянием у остальных числительных рассматриваемой группы (правда, в исследуемых текстах с такой флексией представлено только *шесть* и *тридцать*), и окончания *-ма*, *-мя*, образовавшиеся под воздействием слов *два*—*четыре*.

Примеры

<i>-ью</i>	<i>-ма, -мя</i>
<i>семьдеся^т шесть^ю че^тми</i> 23350-165, <i>о^с ю че^тми</i> 23350-165, <i>трице^тю</i> че ^т ве ^р т ^м и 23351, ч. 2-83, <i>три^тца^тю</i> ше ^с ть ^м я че ^т ве ^р т ^м и 23351, ч. 2-255, <i>ѿл ю че^тми</i> 23350-164.	<i>владе^т ... пята^т жере^би</i> 8455-539 об., <i>тремста^т три^тца^тма</i> чет ^м и 23350-200; <i>три^тца^тю ше^сть^мя че^тве^рт^ми</i> 23351, ч. 2-255, <i>пожалуи ... три^тца^тмя че^т</i> (слово сокращено) <i>и двума</i> 23350-188.

⁴ С. М. Глускина нашла одиночные примеры форм Д. и Т. пп. со склоняемой первой частью и неизменяемой второй в памятниках западнорусской письменности: *по пятанацать грошей* и *перед пятанацать годы* [Глускина 1961: 13].

Контекст *пожалуи ... три^тца^тю шестьмя че^твер^тми* 23351, ч. 2-255 свидетельствует о том, что для двух рядом стоящих форм Т. п. писец использовал разные флексии, видимо, для избежания монотонности в составном числовом наименовании.

Числительное *пять* один раз встречено в форме Т. п. *пяти* (*пожалуи меня прожиточным помѣстеицо^м соро^ю пяти че^твер^тямъ с тре^тнико^м* 23351, ч. 1-91), которая возникла, видимо, под влиянием тенденции к формированию двухпадежной системы у числительных, т. е. к образованию единого косвенного падежа, противопоставленного прямым падежам. Но больше ни у каких числительных рассматриваемой группы такая тенденция не проявляется. После рассмотрения форм Д. п. мы попробуем определить причину этого явления.

Д. п.

Здесь присутствует, во-первых, нормативное для древнерусского и старорусского языка окончание *-и*: *по девяносту по пя^ти че^тя^н* 8455-114 об., *ко сту три^тцати ко шти⁵ че^твертя^н* 8461-683, *ко сту к сороку к семи че^твертямъ* 8461-787, *ко сту к осмидеся^н к осми че^твертя^н* 8461-778 об., *к тре^тсто^н и къ девя^ти че^тя^н* 8455-53 об., *ко сту к деся^ти че^твертямъ* 8455-273 об. и т. д. При этом склонение первой части у слов, обозначающих числа второго десятка, наблюдается уже далеко не во всех случаях, например: *ко сту к пя^ти нацц^ти че^твертя^н* 8461-117, *к дву^тстамъ к девя^ти на^ти ца^ти че^тя^н* 8461-648, но *ко сту восми^н цати четве^тря^н* 8455-564 об., *к четы^ри на^ти ца^ти че^тя^н* 8461-37.

Во-вторых у рассматриваемой группы слов используются окончания Т. п. *-ма*, *-мя*, фиксируемые, как показано выше, в самом Т. п., и единично — флексия *-ми*, для Т. п. непроезженных числительных в наших текстах не отмеченная.

Примеры

<i>-ма</i>	<i>-мя</i>	<i>-ми</i>
<i>к тре^тсто^н г деся^тма че^тя^н</i> 8455-169, <i>къ двусотъ к двуна^тц^тма че^твертямъ</i> 8455-575 об., <i>к тре^тста^н ко штина^тца^тма че^твертя^н</i> 8461-695, <i>къ двусто^н к два^тца^тма че^твертя^н</i> 8455-299 об., <i>ко сту къ три^тца^тма че^твертя^н</i> 8455-263, 264 об., <i>ко сту три^тца^тма че^твертя^н</i> 8455-522 об., <i>к пя^ти ста^н трит^тца^тма че^т</i> (sic) 8461-237.	<i>к четы^рмястамъ</i> (sic) <i>к три^тца^тмя</i> <i>к пя^тмя че^твертямъ</i> 8461-378, <i>к четы^рста^н</i> (sic) <i>к пя^тмдеся^н к семя че^твертямъ</i> 8455-283	<i>к двумѣстамъ</i> <i>четы^рнацц^тми че^твертя^н</i> 8461-778 об.

⁵ Форма *шти* представлена в XVII в. в памятниках различной локализации. Это результат фонетического изменения: в форме *шести* редуцировался до нуля гласный корня (*шти*), и затем осуществилось упрощение группы согласных (*шти*).

Особо отметим форму *к семья*, где произошло наложение вновь приобретенного окончания *-мя* — на основу *сем'*.

В субстантивном и адъективном склонении в псковских говорах сейчас наблюдается широко распространенное в русских диалектах совпадение форм Д. и Т. пп. в форме Д. п. [ДАРЯ II: карты 41, 51]. Отражается это явление и в исследуемых рукописях первой половины XVII в., например: *по челоби^оно^о кокову оне дали за рука^о свои^о* 8461-347об, *и с тѣмъ попамъ* 8461-683, 687 об., *с темъ попа^о* 8461-684 об. (речь в обоих случаях идет о двух попах), *с темъ попы и с око^оними кр^отяне* 8461-778 об., *да за Ивано^о Сима^оскимъ ... да за Миха^оло^о Воронцовы^о ... за оббимъ и^о* велено в книги *написа^оул^о че^о* и 23350-164, *пожалуи меня прожиточным помѣстеицо^о соро^окю пяти че^о вѣ^отямъ с тре^онко^о* 23351, ч. 1-91. Поэтому неудивительна тенденция к совпадению форм Д. и Т. пп. и противопоставлению их другим падежам и у числительных. Эта тенденция, по-видимому, действовала одновременно с тенденцией к формированию единого косвенного падежа, но была несколько более сильной. Это проявилось в том, что числительные совпали не в Д. п., как существительные, прилагательные и местоимения (такой факт зафиксирован лишь единично, ср. приведенный выше пример *соро^окю пяти че^о вѣ^отямъ*), а в Т. п. Ведь если бы они совпали в Д. п., то образовался бы единый косвенный падеж типа *пяти*.

М. п.

Тут представлено нормативное окончание *-и*: *в пяти пустоше^х* 8455-525, *в пятидеся^м в семи че^мя^х* 23351, ч. 1-98, *о двуст^а о три^мцати че^мхъ* 23350-204.

2.4.2. Отметим, наконец, одну особенность склонения числительного *шесть*, не связанную с флексиями: в исследованных текстах в форме *шти* (о ее происхождении см. выше — сноску 5) оно фиксируется только в Д. п. (напр., *к девяносту ко шти че^мямъ* 8455-185), а в Р. п. имеет форму *шести* (напр., *не дошло... шести че^мвертеи* 8455-313 об.), хотя в составе числительного *шестьдесят* в этом падеже употребляется компонент *шти-* (см. ниже, раздел 2.7.).

2.5. Слово *сорок* к имело следующую парадигму склонения:

И-В. пп.	<i>сорокъ</i>
Р. п.	<i>сорока</i>
Д. п.	<i>сороку</i>
Т. п.	<i>сорокью</i>
М. п.	<i>сороке</i>

Это исконная для данного слова парадигма **ѡ*-склонения с инновацией в Т. п. — окончанием женского рода *-ью*. Такие формы встречаются и в других текстах, см. [Унбеган 1935: 420; Егоров 1916: 491; Хабургаев 1990: 270; Дровникова 1985: 42].

Примеры

Р. п.

не дошло ... сорока пя^{ми} че^ми 8455-48 об.

Д. п.

к двусо^м к сороку че^мя^м 8455-19 об., *к две^м сто^м к сороку к пяти че^мя^м* 8455-153, *ко сту к сороку к одно^у че^мверти* 8455-211, *ко сту к сороку к четыре^м че^мвертя^м* 8455-303 об., *к двусоть к сороку к тре^м четве^ртя^м* 8455-519 об., *к сороку к двѣ^м четвертя^м* 8461-117, *ко сту к сороку к семи че^мве^ртямъ* 8461-787, *по сороку по две че^{му}* 23351, ч. 2-19.

Т. п.

пожалуи... соро^кю пяти че^мве^ртямъ с тре^мнико^м 91, *пожалова^л ... тре^ммымы соро^кю че^мями* 23350-283, *владе^{ми} ... соро^кю двумя че^мве^ртми* 23351, ч. 2-19. Видимо, окончание *-ью* проникает в данное склонение под воздействием исконной флексии *-ью* слов, обозначавших числа с пяти до девяти, и полученной под их влиянием флексии *-ью* слов, обозначавших числа десять, двадцать и тридцать.

М. п.

о сте о сороке че^мхъ 23350-198.

2.6. Сохраняют свою старую деklinационную парадигму и слова *девяносто*, *сто*, изменявшиеся в древности как существительные **ѡ*-склонения. Правда, в исследованных текстах встречены не все их формы: *девяносто* отмечено только в И., В., Р., Д. пп., а *сто* — в И., В., Р., Д., М. пп.

Примеры

Р. п.

не доиде^м ... четыре^х от девяноста че^ми 8455-147, *со ста* 23351-ч. 1-3, *не дошло... ста семидеся^м четыре^х че^ми* 8455-42 об. и т. д.

Д. п.

ко сту къ девяносту че^мве^ртя^м 8455-11, *ко сту три^мцати ко шти че^мвертя^м* 8461-683 и т. д.

М. п.

о сте о сороке че^мхъ 23350-198, *о сте о штидесят че^х* 23350-199.

2.7. Слова, обозначающие числа пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, в псковских текстах демонстрируют древнюю особенность, оставшуюся с той поры, когда они были словосочетаниями: в них склоняется лишь первая часть, а вторая (бывший Р. п. мн.ч. от слова *десять*) остается в неизменном виде. Ученые, исследовавшие памятники древней письменности, отмечают, что такие формы были устойчивы вплоть до XVII в., хотя в источниках XV—XVII вв. находятся и некоторые

новообразования типа Р. п. *пятидесяти*, Д. п. *шестьюдесятью* [Unbegaun 1935: 421; Егоров 1916: 489—490; Багрянский 1957: 34—36; 1960: 22; Vogusławski 1966: 102—103; Глускина 1961: 17—18; Дровникова 1985: 61—63]. Что касается изученных нами псковских рукописей первой половины XVII в., то новых форм в них не наблюдается совсем, тогда как архаичных образований встречено много. Приведем в качестве примера только по одной из обнаруженных падежных форм слов *пятьдесят* — *восемьдесят* (там, где в таблице оставлены пустые строки, соответствующего материала нет):

И.-В. пп.	<i>пя^мдеся^м</i> 8455-4	<i>шестьдеся^м</i> 8455-19 об.	<i>сем^ьдеся^м</i> 8455-6	<i>восемьдеся^м</i> 8455-193 <i>восе^мдеся^м</i> 8455-175 <i>во^смидеся^м</i> 23350-100 ⁶
Р. п.	<i>пятидеся^м</i> 23351, ч. 1-139	<i>штидеся^м</i> 8455-39	<i>семидеся^м</i> 8455-42 об.	
Д. п.	<i>пятидеся^м</i> 8461-37 об. <i>пя^ммядеся^м</i> 8455-283 <i>пя^мюдеся^м</i> 8455-483 об.	<i>штидеся^м</i> 8455-316	<i>семидеся^м</i> 8461-113	<i>восмидеся^м</i> 23351, ч. 2-83
Т. п.	<i>пя^мюдеся^м</i> 23351, ч. 2-38		<i>семьюдеся^м</i> 23350-62	<i>восмьюдеся^м</i> 23351, ч. 1-136
М. п.	<i>о пятидеся^м</i> 23351, ч. 1-227	<i>о штидеся^м</i> 23350-199	<i>о семидеся^м</i> 23351, ч. 1-143	

Есть один неясный контекст: *не дошло... двусо^м осмидеся^м два^мца^м одна че^м* 8455-42. Тут склоняются не все части составного числительного⁷, так что форма *осмидеся^м* может быть как формой Р. п., так и формой И. п., учитывая описанную выше специфику И. п. этого слова.

Что касается первого компонента слов, обозначающих числа 50, 60, 70, 80, то, как видно из таблицы, он продолжает склоняться. Важно при этом, что имеются формы Т. п. с внутренней флексией *-ью*, т. е. тенденция к формированию единого косвенного падежа в составе производных от словосочетаний числительных не находит воплощения. При этом и здесь мы сталкиваемся с совпадением форм Д. и Т. пп. в форме Т. п.: *к тре^мсто^м к пя^мюдеся^м к одно^{му} че^{му}* 8455-483 об., *к тремяста^м к пя^мюдеся^м к одно*

⁶ О вариативности этих форм в И. п. см. выше, раздел 2.4.0.

⁷ В исследованных рукописях встречено несколько примеров, когда в составном числительном утрачивается склонение его компонентов — начального при наличии склонения у конечного или наоборот; отмечена и утрата склонения средним компонентом: *к двѣсте два^мцатмя че^м* (sic) 23350-188, *к двѣсте соро^к к пяти четве^ртямь* 8455-430 об., *не дошло... двусо^м осмидеся^м два^мца^м одна че^м* 8455-42, *к дву^мсто^м к девяносто кЪ тре^м че^мве^ртя^м* 8455-455.

че^{тм} 8455-484 об., к *пя^{тм}мдеся^{тм}* к *семя че^{тм}вертямь* 8455-283. Хотя непосредственно для Т. п. форма *пя^{тм}мдеся^{тм}* не отмечена, ясно, что иначе как из Т. п. в Д. п. она попасть не могла.

Отметим также, что форма *шти* в первой части числительного *шестьдесятъ* выступает как в М. и Д. пп., так и в Р. п., тогда как у самого числительного *шесть* в Р. п. была форма *шести* при *шти* в Д. п. (см. выше, раздел 2.4.2).

2.8.0. Числительные, обозначающие сотни, в некоторых падежах обладали большим разнообразием форм. Слова этой группы можно разделить на три подгруппы, что обусловлено их происхождением. Словосочетания *дѣвѣ сътъ*, *три съта*, *четыри съта* первоначально отличались от словосочетаний *пять сътъ* — *девять сътъ* способом сочетания компонентов: в первом случае наблюдалось согласование слов, обозначающих единицы, с падежными формами слова *съто*; во втором — первый компонент управлял вторым, который всегда находился в форме Р. п. *сътъ*. При этом *дѣвѣ сътъ*, с одной стороны, и *три съта*, *четыри съта*, с другой, склонялись по-разному, так как деklinационная парадигма словосочетания *дѣвѣ сътъ* оформлялась по двойственному числу, а парадигма словосочетаний *три съта*, *четыри съта* — по множественному.

Сразу заметим, что для XVII в. говорить о том, что числительные *дѣвѣстѣ*, *триста*, *четыреста*, *пятьсотъ* — *девятьсотъ* представляли собой словосочетания, конечно, нельзя, это уже, несомненно, были сложные слова (поэтому при приведении материала источников мы записываем их без пробела), поскольку в противном случае наблюдалось бы повторение предлога между частями, образующими обозначение сотен, а этого не бывает никогда, хотя повторение предлога между компонентами составного числительного было характерной чертой рассматриваемой системы. Ср.: *к тре^{тм}сто^{тм}* к *два^{тм}ца^{тм}* к *пя^{тм}че^{тм}я^{тм}* 8455-2, в *триста* в *пя^{тм}деся^{тм}* че^{тм}и 8461-117, о *тре^{тм}со^{тм}* о *пя^{тм}деся^{тм}* че^{тм}ве^{тм}пя^{тм} 23351, ч. 1-227.

Итак, в XVII веке мы застаем три группы числительных: а) *дѣвѣстѣ*, б) *триста*, *четыреста*, в) *пятьсотъ*, *шестьсотъ*, *семьсотъ*, *восемьсотъ* (*восьмисотъ*), *девятьсотъ* — на стадии активного взаимодействия их вторых компонентов друг с другом.

2.8.1. Во втором компоненте числительного *дѣвѣстѣ* уже не наблюдается исходных форм двойственного числа (кроме формы И.-В. пп. *дѣвѣсте/двѣсте*, употребляемой, впрочем, наряду с *дѣвѣсти/двѣсти*).

В Р. п. единственно возможная форма второго компонента — это *-сотъ* (бывшая форма множественного числа).

В М. п. существуют элементы *-стахъ* из парадигмы множественного числа и *-сотъ* — под влиянием изначально неизменяемой второй части числительных группы *пятьсотъ* — *девятьсотъ*.

В Д. п. есть три варианта второго компонента: старая форма Д. п. мн. ч. *-стомъ*, новая форма Д. п. мн. ч. *-стамъ* (реже) и форма Р. п. мн. ч. *-сотъ*

(под влиянием числительных группы *пятьсот* — *девятьсот*). Заметим, что наличие неизменяемой части *-соть* у слов, обозначающих числа 200, 300, 400, известно и другим памятникам письменности, см. [Дровникова 1985: 67—68; Глускина 1961: 22].

Первый компонент числительного *двѣстѣ* повторяет склонение слова *два/дѣ* с одной инновацией — в Д. п. наряду с компонентами *дву-*, *двѣм-* появляется и новообразование *двум-*, то есть получается следующая картина: И. п. *дѣ*-; Р. п. *дву-*; Д. п. *дву-*, *двѣм-*, *двум-*; Т. п. не встретился; М. п. *дву-*.

Таким образом, парадигма склонения слова *двѣстѣ* имеет вариативность, особенно в Д. п., где насчитывается шесть сосуществующих вариантов:

И-В. пп.	<i>двѣстѣ/двѣсти</i>
Р. п.	<i>двусотѣ</i>
Д. п.	<i>двусотѣ, двустомѣ, двемстомѣ, двемстамѣ, двустомѣ, двустамѣ</i>
М. п.	<i>двусотѣ, двустахѣ</i>

Примеры

(приводится лишь небольшая часть обширного материала)

Р. п. *не дошло... двусот^м осмидеся^т два^тца^т одна че^т* 8455-42, *недописано двусот^т семидеся^т ня^ти че^т* 8455-559 об.;

Д. п. *ко двусотѣ ко ^ти че^твертя^т* 8455-435, *къ двусотѣ къ пятидеся^т к осми че^твертя^т* 8461-641 об.; *к двусто^т к осмидеся^т к тре^т че^твертя^т* 8455-266 об., *къ двусто^т к два^тца^т ма че^твертя^т* 8455-299 об.; *к две^тсто^т к трица^ти че^твертя^т* 8455-50, *к двѣ^тсто^т к семидеся^т к четыре^т че^твертя^т* 8461-113; *к две^тстамѣ ко штидеся^т къ дву че^твертямѣ* 8455-211; *къ дву^тсто^т къ девяносту къ тре^т че^твертя^т* 8455-457 об., *к дву^тсто^т к девяносту къ тре^т че^твертя^т* 8455-455; *к дву^тстамѣ к девя^тицати че^тямѣ* 8461-648 об., 650;

М. п. *на двусотѣ четвертя^х* 8455-259 об., *о двуста^х о три^тцати че^тхѣ* 23380-204.

2.8.2. Числительные *триста*, *четыреста* в качестве второго компонента имеют: 1) формы множественного числа слова *сто*, причем в Д. п. употребительны два варианта — старый *стомѣ* и новый *стамѣ*; 2) неизменяемый элемент *-сот*, обязанный своим возникновением формам числительных *пятьсот* — *девятьсот*. Первая же часть этих слов склоняется, как *три*, *четыре*, но в Р. п. представлен еще один вариант, который для числительного *три* как такового не зафиксирован, — архаизм *треи-*. В Д. п. отмечена специфическая форма: первая часть совпадает с формой Т. п. простого числительного, а вторую часть составляет форма Д. п. мн. ч. от *сто* в новом варианте — *стамѣ*: *тремястамѣ*, *чтерьястамѣ* (sic, видимо, здесь отражается беглое произношение). Таким образом, парадигма выглядит так (там, где в таблице пропуски, соответствующих форм не встречено):

И.-В. пп.	<i>триста</i>	<i>четыреста / четыриста</i>
Р. п.	<i>трехсотъ, треисотъ</i>	<i>четырехсотъ</i>
Д. п.	<i>тремстомъ, тремстамъ, тремсотъ, тремястамъ</i>	<i>четыремстомъ, четыремстамъ, четыремсотъ, чтерьямстамъ</i>
Т. п.	<i>тремясты, тремястами</i>	
М. п.	<i>трехсотъ</i>	

Примеры

(приводится небольшая часть обширного материала)

Р. п. а не до^уде^м ему... *тре^хсо^м ба^а че^мве^рт^м сена* 8455-9, проти^в... *треи-со^м че^ми* 23351, ч. 1-133, бо^иши *четыре^хсотъ чет^у* 23351, ч. 1-106;

Д. п. к *тре^нсто^м че^мямЪ* 8455-4, к *четыре^нсто^м че^мямъ* 8455-171, к *тре^нста^м* к *восмидеся^м че^ми* 23351, ч. 2-83, к *четыре^нста^м* к *восмидесять* к *тре^н че^мве^ртямъ* 8461-484 об., к *тре^нсо^м че^мве^рте^м* 8455-9, к *четыре^нсотъ* к *пятидеся^м к семи че^мвертя^м* 8455-286 об., к *тремяста^м* к *пя^мюдеся^т к одной че^{му}* 8455-84 об., к *чтерьямстамъ* к *три^ица^ммя* к *пя^ммя че^{му}вертямъ* 8461-378;

Т. п. *тремясты* четьями 23350-283, *тремяста^{му}* три^ица^мма четми 23350-200;

М. п. о *тре^хсо^м о два^мца^{ми} че^мхъ* 23350-200, о *тре^хсо^м че^х* 23350-200.

2.8.3. Числительные *пятьсотъ* — *девятьсотъ* склоняют первую часть при наличии во второй части, как изначально сложилось при управлении, неизменяемого компонента *-сот* (например, к *пя^{ми}со^м че^{му}я^м* 8455-114 об., ко *итисотъ* к *три^ица^{ми}* к *осми че^мвертя^м* 8455-527, по *семисо^м че^ми* 8455-53) за некоторыми исключениями, связанными с влиянием числительных *триста*, *четыреста*: к *пя^{ти}сто^м* к *три^ица^{ми} че^мя^м* 8455-17, к *пя^{ми}ста^м* *три^ица^мма че^м* (sic) 8461-237. Такая ситуация отмечается и в других памятниках XVII века, см. [Bogusławski 1966: 109—110; Дровникова 1985: 69].

3.0. Итак, специфика многообразного склонения числительных в псковском диалекте первой половины XVII в. объясняется сосуществованием архаичных, переходных и новых форм, действием ослабленной тенденции к формированию единого косвенного падежа и более сильной тенденции к сохранению различий в косвенных падежах, отчего при реализации третьей тенденции — к неразличению Д. и Т. пп. — числительные совпадают в форме Т. п., а не Д. п.

Литература

Багрянский 1957 — И. М. Багрянский. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. гос. ун-та. Новая серия. Вып. 71. Самарканд, 1957. С. 1—99.

Багрянский 1957а — И. М. Багрянский. Сложные и составные количественные числительные в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. гос. ун-та. Новая серия. Вып. 73. Самарканд, 1957. С. 5—19.

Багрянский 1957б — И. М. Багрянский. История развития склонения числительных два, две; три, четыре в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. гос. ун-та. Новая серия. Вып. 73. Самарканд, 1957. С. 20—36.

Багрянский 1960 — И. М. Багрянский. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1960.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Глускина 1955 — С. М. Глускина. К истории составных числительных в русском языке // Уч. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. III. 1955. С. 111—134.

Глускина 1957 — С. М. Глускина. Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка. (К истории сложения числительных в часть речи) // Уч. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. IV. 1957. С. 199—222.

Глускина 1961 — С. М. Глускина. Сложные числительные в истории русского языка (о превращении словосочетаний, обозначающих числа, в слова) // Уч. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. VII. 1961. С. 5—34.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.

Дровникова 1959 — Л. Н. Дровникова. История числительных *два, три, четыре* в русском языке // Вопросы истории рус. яз. М., 1959. С. 183—207.

Дровникова 1985 — Л. Н. Дровникова. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Избр. работы по истории рус. яз. М., 2000.

Егоров 1916 — В. Г. Егоров. Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII вв. // Филол. зап. Воронеж, 1916. Вып. II—V. С. 189—236; 474—523.

Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // А. А. Зализняк. Русское именное словообразование. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550—558.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Матвеева 1954 — Г. И. Матвеева. Числительные в русских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Матвеева 1959 — Г. И. Матвеева. Числительные *два, три, четыре* в русских говорах // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 1. М., 1959. С. 86—104.

Матвеева 1961 — Г. И. Матвеева. Диалектные особенности числительных *пять — десять* // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2. М., 1961. С. 97—102.

Селищев 1921 — А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.

Тарабасова 1982 — Н. И. Тарабасова. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 170—220.

Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1990.

Bogusławski 1966 — A. Bogusławski. Semanticzne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.

Leskien 1875 — A. Leskien. Das russische двумя, тремя, четырьмя // Archiv für slavische Philologie. Bd. I, Heft 1. Berlin, 1875.

Unbegaun 1935 — B. Unbegaun. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935.

E. GALINSKAYA

THE DECLENSION OF CARDINAL NUMERALS
IN THE PSKOV DIALECT OF THE 1ST HALF OF THE 17TH CENTURY

The article deals with declensional forms of cardinal numerals attested in the manuscript business documents of the first half of the 17th century from the Pskov region. Many declensional paradigms were in the process of change in this period. Some cases exhibit variant forms, which can be classified into archaic, transitional and new. While the instrumental falls together with the dative in the nominal and pronominal declension where the form of the dative becomes dominant (e. g. *за рука^н свои^н*), in numerals the dative is replaced by the instrumental (e. g. *тридцатьма, пятьюдеся^т*). This is due to the fact that numerals resist developing a uniform oblique case, which would have emerged if the dative of the type *яму* had taken over.

Keywords: historical dialectology of Russian, the Pskov dialect of the 17th century, cardinal numerals, Russian hand-written business documents.